



## Искусство стать новым человеком: о сократических диалогах Платона

В эту книгу включены четыре сократических диалога. В них Сократ является не просто главным действующим лицом, но и автором завершенных философских теорий, способных менять жизнь не только отдельного человека, но и целых групп людей. В диалоге «Критон» изображен Сократ перед казнью: его друг, богач Критон, хочет устроить ему побег, но Сократ объясняет, что если он нарушит земной закон, то он навечно останется примером несправедливости и вероломства, а значит, предаст и богов, и себя самого. В диалоге «Пир» Сократ обучает своих современников, выдающихся афинских писателей и политиков, искусству любви: быть верным в любви — это для него не эмоция, а строгая логика, строгая дружба с Логосом: если ты верен в любви, ты понимаешь, что любовь сделала с тобой, а значит, делаешься открыт новым мыслям и правильным идеям, в том числе государственным и политическим. В диалоге «Федон» Сократ прощается со своими многочисленными учениками и объясняет, почему душа бессмертна. Бессмертие души для Сократа — не догадка, не частное пожелание и не бытовое верование, но логическая необходимость: ведь если даже к телу и к хозяйству мы относимся разумно и стремимся сохранить хозяйственные и инженерные достижения для потомков, то тем более наша душа должна сохраниться и для потомков, и для богов. Поскольку бессмертны боги, то и о человеческой душе можно сказать, что она бессмертна. Наконец в диалоге «Федр» Сократ разговаривает с молодыми интеллектуалами и учит их небывалой мудрости, объясняя, что благородство — это не внешнее требование, а настоящая природа истинной речи. Речь истинна не тогда, когда она выглядит правдоподобно, а когда звучит благородно; и мир идей как идеальных про-

## Александр Марков

образов всех вещей регулирует благородство речи и мысли человека.

Встреча Платона с Сократом в 408 г. до н. э. изменила навсегда Платона, но в чем-то изменила и Сократа. Аристокл, по прозвищу Платон, аристократ, царевич (потомок полумифологического царя Кодра), красавец и победитель спортивных состязаний, забросил все, чем занимался прежде — стихи и пьесы, и стал слушать Сократа. По преданию, в день встречи с Платоном Сократ увидел пророческий сон: белый лебедь прижался к его груди и после взлетел высоко так, что почти скрылся из виду. Лебедь — как символ бога Аполлона проясняет смысл сна: сколько бы ты ни учил своего ученика, в самом главном ты будешь учиться у него. Индийская поговорка гласит, что учитель приходит тогда, когда к этому готов ученик. Сократ и Платон дополнили эту мысль: ученик может быть и не вполне готов, может быть в чем-то рассеян и в чем-то поспешен, но вот учитель в какой-то момент, иногда раз в жизни, оказывается всецело готов учить. Эта мгновенная готовность, мгновенное озарение и переживание целостности и радости совместного обучения, и определяет пути развития философии на века и тысячелетия вперед.

Платон был блестящим во всем творческим интеллектуалом, широкоплечим красавцем, стройным и скромным в своей царственности, умевшим выступать публично, знавшим все научные теории, которые тогда существовали (от Фалеса до Анаксагора и его учеников). Сократ же казался некоторым современникам невзрачным, нелепым, нарушителем спокойствия. Ведь он мог внезапно на улице заговорить с первым попавшимся человеком о смысле всего существующего. Но так казалось лишь на первый взгляд. На самом деле, Сократ говорил вполне избирательно: он, например, мог показать молодому богачу, что тот знает отдельные виды богатства, но не может объяснить, что такое обладать богатством и распоряжаться им. В качестве своей основной задачи Сократ видел, вопреки общепринятому мнению, не стремление подорвать самомнение человека, кото-

## Искусство стать новым человеком: о сократических диалогах Платона

рому казалось, что он правильно мыслит. Сократ показывал людям, уже имеющим опыт управления государством, имуществом или домом, людям с характером, с индивидуальной позицией, входившим в тогдашнюю элиту, что необходимо мыслить критически, системно, опираясь на природу собственной мысли. Это наиболее наглядно представлено в диалоге, открывающем нашу книгу, «Критон». Богач Критон хочет выкупить Сократа, но Сократ объясняет, что за этим желанием стоят неправильные предположения и о природе денег, и о природе справедливости, и об отношении необходимости и свободы. Обеспечив Сократу бегство от казни, Критон погрешил бы не против частных законов, но против философской теории как таковой — а теория, слово, которое означало, как мы узнаем из этого диалога, участие в шествиях с изображениями богов, оказывается основанием непостижимого священного порядка, который лучше не трогать.

Дружба старого и юного философа продлилась до самой казни Сократа в 399 году. Она прошла сложные испытания: в 405 году афинский флот был разбит при Эгоспотамах, что открыло спартамцам путь на Афины. В 404 году Спарта одержала победу над Афинами. Спартанская гегемония стала ударом по чести всех афинских политиков. Афины, по замыслу спартанцев, должны были стать большой деревней, в которой правят устаревшие законы. В итоге было создано правительство Афин из тридцати человек, известное как Тридцать тиранов: это были аристократы, готовые идти на уступки. Среди них были и родственники Платона, например его дядя Критий.

Критий был драматургом, и в одной из своих пьес он показал, что законодатели должны творить не только писанные законы, но и изобретать новых богов, чтобы люди не совершали зло не только явно, но и тайно. Эта мысль в чем-то была близка Платону, потому что Сократ в его диалогах тоже сочиняет мифы и басни, убеждающие людей не только поступать правильно, но и следить за своими чувствами и намерениями. Однако между Критием и Платоном — нравственная

пропасть. Если для Крития изобретение ситуативно, то для Платона изобретение должно отвечать общим законам мироздания, общей гармонии. Платон увлекался в тот момент пифагорейцами, учившими, что политика должна подчиняться математическим законам, поэтому легко помещал доработанные пифагорейские мысли в сократические диалоги. Конечно, исторический Сократ ценил и Пифагора, и других философов, но все же в таком частом обращении к пифагорейству видны скорее пристрастия Платона. Сократ отказался признать власть правительства Тридцати тиранов. Отказался и Платон. Сократ считал, что закон должен происходить из совести человека, а не из уступок власти имущим. Поэтому в диалогах мы часто сталкиваемся с рассуждениями Сократа по поводу того, как законы определяют, например, честь и любовь, то есть внешне господствуют над человеком. Но судившие Сократа пытались поставить ему в вину, что Критий, Алкивиад и другие одиозные политики были слушателями и собеседниками Сократа, хотя известно, что правительство Тридцати Тиранов пало уже в 303 г. до н.э. Полководец Фрасибул, отвоевавший Афины и убивший Крития в бою, амнистировал всех, кроме прямых участников казней. Поэтому разбираться в позиции Сократа было явно запоздалым решением его врагов. Платон, конечно, спорил с этим обвинением: в диалоге «Пир» он показал, что Алкивиад был во всем обязан Сократу, но правильно философствовать и духовно преображаться мог только в присутствии Сократа, тогда как в обычной жизни он оставался безрассудным авантюристом. Настоящим героем для Сократа, Платона и Аристотеля стал полководец Ферамен, выступивший против Крития и казненный по его приказу. Ферамен не любил демократию и считал, что только благородные люди должны управлять страной, он обличал Крития за расхищение казны спартанцами и судейский произвол. Поэтому когда Сократ в диалоге «Федр» разоблачает оратора Лисия и софистов, то нужно учитывать и этот подтекст: Платон был на стороне патриота Ферамена

## Искусство стать новым человеком: о сократических диалогах Платона

и не любил софистов, которые пытались обращать политические конфликты в свою пользу.

При этом исторический Сократ относился к Ферамену явно не лучшим образом: когда в 407 г. до н. э. афинский флот разбил спартанский, но всё равно понёс большие потери, Ферамен и Фрасибул вернулись в Афины раньше стратегов, командующих операцией, и потребовали в народном собрании казни стратегов как изменников. Сократ был одним из немногих, кто выступал против этой казни. Для Сократа было просто невозможно превратить закон и справедливость в орудие частного блага. Поэтому в диалоге «Федон» Сократ так настаивает на том, что лучше претерпеть несправедливость, чем самому причинить ее: ведь за казнью стратегов последовали неудачные военные действия, которые и привели к тирании Тридцати.

Здесь нужно учитывать, что Фрасибул вовсе не хотел восстанавливать демократию: аристократы и богачи, которые оплатили его военную кампанию, боялись, что после восстановления демократии большинство будет мстить всем богатым как склонным к олигархии. Поэтому был установлен своеобразный режим: в Пирее, афинском порту, победили демократы, а в самих Афинах — умеренные сторонники олигархата. Таким образом была создана смешанная система правления. Гражданам, недовольным таким режимом было предложено переселиться в Элевсин, пригород Афин, получивший административное самоуправление. Когда Сократ в диалогах Платона превозносит мистерии, прежде всего Элевсинские, он употребляет терминологию мистерий (такие слова как «очищение» и «посвящение»). Благодаря этой терминологии мы можем понять, как скрыто Сократ выступает за восстановление благородной политики в подлинном смысле этого слова. Некоторую иронию в отношении к Фрасибулу можно увидеть и в том, что Фрасибул привел свое войско из Фив, которые были родиной политических идеалистов Симмия и Кебета. Именно они под влиянием Пифагора пытаются быстро создать представления о справедливости, однако Со-

крат всякий раз призывает их не торопиться в своих суждениях. Заранее оговоримся, что диалоги — это не изобретение Платона. Можно сказать, что диалоги писали тогда все, кто хоть как-то был связан с Сократом: тому же Симмию приписывалось 23 диалога на разные темы, а под именем Кебета до нас дошел диалог «Картина». Последний диалог в традиции пифагорейской аллегории представил человеческую жизнь в качестве большой картины-квеста. Многие ученики Сократа также писали диалоги. Например, ученику Сократа Аристиппу, учившему о наслаждении в качестве критерия истины, приписывали 25 диалогов. Другой философ Антисфен, один из создателей школы киников, ратовавших за «собачью» простоту быта и жизни, писал диалоги, в которых зло высмеивал современных ему политиков. Диалоги можно назвать продолжением драматургии: в Афинах ставились трагедии, комедии и сатировские драмы. Диалог наиболее близок по смыслу к сатировской драме: остроумному, даже саркастичному произведению, в котором люди, довольные своим положением, вдруг начинают высказывать недовольство. В этом и состоит смысл диалога — выбить человека из привычной колеи жизни, заставить его вдруг чувствовать себя не так, как он чувствовал себя прежде. К сожалению, из сотен диалогов разных сократических авторов до нас дошли только диалоги Платона. Их ценность состояла не в том, чтобы обосновать какой-либо тезис или разоблачить соперника в философской дискуссии. В них показано, как любовь к философской дискуссии позволяет обосновать свои тезисы и разоблачить всех, даже самых близких друзей. Это и сделал Платон, показав в диалогах природу философской мысли.

Такой переход от сочинения драм к сочинению диалогов в Афинах был ускорен деятельностью софистов, которые не просто стали записывать речи, но учить писать, упорядочивать мысли, выстраивать аргументы, структурировать речь по общим законам. Софисты, то есть учителя мудрости за плату, вместо рассмотрения структуры мироздания стали рассматри-

## Искусство стать новым человеком: о сократических диалогах Платона

вать структуру языка. Драма с ее традиционными зрелищными эффектами стала казаться слишком громоздкой и устаревшей в сравнении с тем театром споров и аргументов, который открыли софисты. Можно сказать, что софистами был создан свой, профессиональный театр языка, в котором звучание каждого слова, созвучие, игра со значениями продумывались с особой тщательностью. Диалог — это по сути кричащее высказывание в эпоху торжества софистического театра.

Сократ при всем уважении к софистам не принимал их готовность довольствоваться только готовыми языковыми построениями. Софистам казалось, что изучив, как устроен язык, сколько в нем синонимов и антонимов, они лучше разберутся в сложном устройстве мироздания и одновременно научат всех создавать правдоподобные речи. Ведь через речь можно создать иллюзию правды. Поэтому, опираясь на ораторское искусство, можно на вполне разумных основаниях переделать и политику, полагали софисты. Но Сократ видел ограничения софистики: искусственные языковые структуры и словосочетания не могут объяснить, что такое честь, что такое совесть, что такое самопожертвование или что такое настоящая любовь. Поэтому Сократ просто решил превзойти софистов остроумием: в «Федре» и других диалогах он лучше них подбирает синонимы, создает каламбуры, решает сложные интеллектуальные задачи — то есть побивает софистов их же оружием. Сократ оказывается искуснее софистов в их же искусстве: например, слово «философия», означающее любовь к мудрости и дружбу с мудростью, он превращает в диалогах «Пир» и «Федр» в основание новой теории любви. В них Сократ отождествляет любовь с познанием самых общих законов мироздания и внутренней жизни личности. Если ты любишь мудрость, значит, ты должен ее желать, возжелеть, а значит, познавать, что в мире есть не только рутина былых законов, но и особая динамика, о которой ты раньше и не мыслил. Открытие Платоном сферы чистых идей было открытием не менее масштабным, чем открытие относительности Эйнштейном или открытие бессознательных вле-



## Александр Марков

чений Фрейдом в XX веке: мир вдруг оказался динамичным и страстным. И конечно, Сократ нападает на главную святыню софистов — письменные тексты, доказывая, что они не научат быть по-настоящему памятьливыми, а значит, по-настоящему совестливыми.

Важно понимать, что слово диалог у нас иногда трактуется неверно — как разговор двух людей. При этом происходит смешение двух греческих слов: «диа», что значит «через, насквозь» (как в слове диаграмма или диаметр), и «дио», что значит «два» (откуда диптих или дилогия). Отсюда возникают такие странные русские слова как «триалог», разговор трех людей, хотя по-гречески это должно означать человека, сказавшего три речи или употребляющего какое-то слово в тройном смысле. Правильнее понимать «диалог» как проведение собеседника через Логос, то есть через разумные формулировки. В диалоге собеседники разговаривают для того, чтобы прийти от принятого всеми утверждения к какому-то окончательному выводу, и спорят о том, позволяет ли это утверждение сделать окончательный вывод. В диалоге «Федон» Платон показал внутреннюю структуру диалога, развив учение о знании как припоминании, как восстановлению структур ума, полученных при рождении. Как мы, например, усваивая математику, вспоминаем какие-то отвлеченные понятия, которых нет в природе (где в природе прямые линии?), но которые вложены как бы в наш ум. Подобно этому, ведя диалог, мы начинаем с общепризнанного, например, что справедливость должна относиться ко всем людям, вспоминаем природу справедливости: нельзя, прежде всего, поступать плохо по отношению к себе, а не к другим, обманывать или льстить себе.

Именно поэтому диалоги Платона и дошли до наших дней: в них не просто показано, как Сократ превзошел всех своих современников умением рассуждать, но и как устроен диалог, каковы принципы его построения. Этому взгляду на устройство диалога способствует и внешняя структура диалога, в качестве которой выступает пересказ. Этот пересказ позволяет

## Искусство стать новым человеком: о сократических диалогах Платона

нам в конце диалога иначе взглянуть на его начало. «Федон», «Пир» и «Федр» — это пересказанные диалоги. Такой пересказ создает романное впечатление: как мы иначе видим Дон Кихота в конце второго тома или Гарри Поттера в конце седьмого тома, чем когда начинали читать, — так и сам Сократ, и поставленные Сократом вопросы звучат в конце иначе, чем в начале. В начале нам кажется, что Сократ — нелепый насмешник, который издевается в том числе и над нами, читателями, что он хитрый и наивный, чуть ли не деревенский мудрец. Но в конце мы видим, что Сократ — это великий философ и великий гражданский деятель мировой истории. Он поясняет как судьи должны видеть природу закона, как ораторы должны не потакать страстям, а аскетически относиться к слову и образу жизни, как политики должны научиться созерцать мир идей, чтобы видеть реальную динамику развития общества, а не отдельные смуты или периоды порядка. Поэтому Сократ одновременно воспекает досуг, остроумно шутя и каламбуя, и призывает к строгой аскезе и самоконтролю представителей всех профессий. Согласно Сократу, досуг нужен, чтобы научиться не доверять готовым словам и формулам, а аскеза — чтобы подружиться с Логосом, с логически выстроенным рассуждением, которое не менее, а более требовательно к тебе, чем все земные законы.

Переводчик этих диалогов Сергей Александрович Жебелёв (1867—1941) был главой петербургского, а потом и ленинградского антиковедения. Его переводы изящны и остроумны. Жебелёв хорошо чувствовал нюансы речи и изгибы рассуждения, иронию, юмор и сарказм мудрого Сократа. Интонационный профиль речи иногда устаревает, поэтому иногда у Жебелёва встречаются неудачные обороты (например, «блестящий на вид» вместо «блестящий всем своим видом», хотя Платон говорит именно не о видимости, а о подлинном божественном блеске). Есть у него и терминологические неточности, например, «багаж» в значении «военное снаряжение». Мы провели литературную обработку перевода и полную сверку с оригиналом. Благодарность и посвящение этой работы философу Ок-

## ПЛАТОН

сане Александровне Штайн, Диотиме и Гипатии нашей русской философии, чье великое мастерство доверительной и парадоксальной речи больше всего помогло в составлении комментариев. В многочисленных комментариях мы поясняем, в чем состоит ирония, юмор и мудрость Сократа, реконструируем исторические контексты, чтобы эти диалоги можно было читать не с меньшим удовольствием, чем мы смотрим спектакли на современной сцене. В работе над комментариями мы в основном опирались на традицию французской деконструкции античной философии, в частности на книги Jean Bollack. *La Grèce de personne: Les mots sous le mythe* (Paris: Seuil, 1998) и Frédérique Ildefonse. *Le multiple dans l'âme: Sur l'intériorité comme problème* (Paris: Vrin, 2022).

*Александр Марков,  
Профессор РГГУ*

# Диалоги с Сократом